

Течение времени в пространстве Таоте отличалось от внешнего мира. Хотя снаружи прошло уже больше четырёх часов, Цзян Фэй всё ещё оставался здесь: Владыка Бедствий так и не выдернул его из этой аномалии.

К сожалению, воспоминания о Пещере Алчности в его голове размывались всё сильнее, однако сам он пока этого не замечал.

Расправившись с аномальной крысой, Цзян Фэй мгновенно превратился в местного героя. Жители прибрежного городка прониклись к нему глубочайшим уважением, признав в нём вершину здешней пищевой цепи.

Движимый подсознательным стремлением встретить принцессу, он преодолел немало невзгод и сразил тварь-коня, терзавшего окрестные земли.

К моменту, когда пришла пора выступить против твари-змеи, Цзян Фэй уже считался признанным вождём. Вокруг него сплотился собственный отряд: взяв с собой десяток бойцов поскромнее, он вновь отправился в путь — искоренять очередное чудовище.

Мерзкими эти сущности оказались как на подбор, одна тошнотворнее другой. Змея представляла собой гигантского питона метров трёх в длину, толщиной с взрослого мужчину, с исполненным злобы взглядом. Из её гниющего тела сквозь язвы на брюхе проглядывали обнажённые кости.

Из подгнивших глазниц дюжины дополнительно выросших на брюхе глаз сочился гной, а внутри вольготно копошились жирные белые черви.

Зловоние, исходившее от твари, заставило спутников Цзян Фэя отхлынуть назад.

— Нет на свете существа смерднее этого! — выдохнул кто-то из воинов.

Цзян Фэй качнул головой:

— Ошибаешься.

Внутреннее чутьё подсказывало: бывали запахи и похуже.

Спутники воззрились на него с любопытством. Среди искателей приключений не было ничего милее хорошей байки, и они приготовились слушать.

В памяти Цзян Фэя всплыл смутный обрывок: до того как стать борцом с крысами, он очнулся в тайной комнате и вдохнул нечто... Одно лишь воспоминание о том духе заставило голову пойти кругом от тошноты.

Цзян Фэй поспешно отмахнулся от навязчивого образа. В подробности вдаваться не стал — лишь призвал всех к осторожности и велел сосредоточиться на бое.

Сражение выдалось изматывающим. Лишь позволив твари пробить себе плечо, Цзян Фэй сумел вогнать клинок по самую рукоять прямо в её мерзкую башню.

В левом верхнем углу обзора мелькнуло сообщение: уровень поднялся до 40-го. Теперь он официально входил в высшую когорту воителей этого материка. Ещё немного — и он достигнет самой вершины.

[Принцесса крайне довольна твоими подвигами. Она лично вручит тебе награду.]

[Наконец-то ты увидишь её.]

Назначенная реальность тут же накатила новой волной. Толпа горожан — ещё гуще, чем в прошлые разы — обступила его, осыпая цветами. Власть, слава, богатство и даже любовь — всё, ради чего смертные изнывают жизнь напролёт, казалось, лежало у его ног.

Здесь он мог получить абсолютно всё.

Преисполненный предвкушением скорой встречи с принцессой, Цзян Фэй оглянулся и случайно встретился взглядом с поверженным чудовищем.

Дюжина глаз дохлой змеи всё так же немигающе въедалась в него. Ненасытная злоба в них была столь густой, что её, казалось, можно было потрогать.

Этот немой взор нежно шептал ему об одном: умерла не змея. Умрёт он, Цзян Фэй.

Очнувшись от наваждения, он обнаружил подле себя юную приметную девушку. Сложив ладони перед грудью в молитвенном жесте, она взирала на него с благоговейным обожанием:

— Доблестный победитель змей, епископ просит вас проследовать в храм для подготовки к церемонии. Вы — истинный герой нашей земли!

Поднялся шквал аплодисментов. Приторный, липкий аромат цветов сжал Цзян Фэя в объятиях. Он огляделся: на лицах окружающих застыли одинаковые безупречные улыбки, резко контрастировавшие с мёртвым оскалом твари.

[После церемонии ты получишь собственное феодальное владение.]

[Ты всё ближе к принцессе.]

****[Сорви же созревший плод, вкуси заранее сладкую усладу.]****

Руки Цзян Фэя сами собой потянулись к девушке. Та зажмурилась, преисполненная кроткой готовности к самопожертвованию.

Однако пальцы Цзян Фэя замерли, так и не коснувшись ее.

Девушка недоумённо распахнула глаза. Из-за внезапности оговорки на её лице всё ещё держалась застывшая, словно маска, улыбка:

— Воин? Вы можете делать всё, что вашей душе угодно.

Шум голосов вокруг слился в настойчивый гул, пытаясь вновь переписать его мысли.

Цзян Фэй убрал руки в карманы и вдруг негромко рассмеялся.

Глядя на одинаковые оскалы толпы, он спокойно ответил:

— Что ж, договорились. Я буду делать всё, что захочу.

Развернувшись, Цзян Фэй направился прочь. Вместо храма он шагнул к дому другого местного поборника справедливости и постучал в дверь.

Хозяин распахнул створки. На его лице играла всё та же типовая улыбка:

— Чем могу служить, доблестный заступник?

— Любым капризом? — уточнил Цзян Фэй.

— Разумеется! Вы наш герой. Каждый из нас сочтёт за честь исполнить вашу волю!

— Тогда научи меня драться, — с готовностью выдал Цзян Фэй.

Улыбка на физиономии воина на мгновение одеревенела.

— Я хочу стать самым искусным бойцом на этом материке, — с наигранной страстью продолжил Цзян Фэй, поморщившись и касаясь пробитого плеча. — Мечтаю о том дне, когда ни одна тварь больше не сможет причинить мне вреда.

Желание славы, денег или женщин понять было легко. Но подобный сугубо практичный прагматизм и жажда сохранить собственную шкуру смотрелись вполне естественно.

Воин ударил себя кулаком в грудь и рявкнул:

— Обучу всему, чем владею сам!

— Премного благодарен, — осклабился Цзян Фэй. — Надо же мне подготовиться к встрече с принцессой!

Епископ в храме извёлся в ожиданиях, пока Цзян Фэй, громко славя имя принцессы, поочерёдно навещал каждого сильного воителя этих земель.

Всё вокруг могло оказаться фальшивкой, но полученные навыки и боевой опыт были самыми что ни на есть настоящими. В конце концов, перед ними стоял Бандит Цзян — человек, способный обобрать до нитки даже аномалию.

— Ах, до чего же я люблю нашу принцессу! — со вздохом умиления прошептал Цзян Фэй в пустоту.

В памяти всплыл силуэт Су Яньчжоу с копьём наперевес — такое мастерство давалось лишь годами изнурительных тренировок. А тут подушка сама подроспела к спящему: трудно найти аномалию щедрее и догадливее, чем эта «принцесса».

Гу Яньань был на десять лет старше Су Яньчжоу, но из-за созвучия в именах в кругах медиумов их крестили «Двумя Гусями» — признавая за ними роль вожаков нового поколения.

Как и род Су, семья Гу принадлежала к древним кланам медиумов, и путь Гу Яньаня мало чем отличался от судьбы Су Яньчжоу.

В три года — пробуждение Последователя, в восемнадцать — резонанс с аномалией под присмотром старейшин. А между ними — пятнадцать лет изнурительной муштры, заложившей фундамент для противостояния обратному удару духовных сущностей.

Без такой закалки любой медиум, поднявшись выше В-ранга, рисковал сорваться в безумие и переродиться в тварь. Впрочем, даже жесточайшая подготовка не давала полных гарантий: ни один из предков семей Гу и Су не доживал до шестидесяти. Столько лет исправных отчислений — и ни единого пенсионера!

На то, чтобы вырастить мощного Последователя, уходило не меньше века. Из семи медиумов А-

ранга во всём Чончжоу лишь один двухсотлетний патриарх пробился на вершину исключительно за счёт собственной геномагической последовательности. Этот бесценный старец оставался оплотом Бюро духовного контроля, проводя организацию сквозь бури эпох.

Именно благодаря Бюро простой люд жил в спокойствии, и многие до самой смерти даже не подозревали о существовании аномалий. В этом и заключался смысл жизни тех, кто заключал контракт с мистическими сущностями.

В отличие от боевитого Су Яньчжоу, Гу Яньань обладал Генетическим номером 8 [Страж], специализируясь на барьерах и защитных формациях. Именно поэтому, когда в Ючжоу потребовалось обложить Владыку Бедствий, выбор пал на него.

Отменив дела, Гу Яньань летел обратно на спецборту. На душе у него было беспокойно: невидимая струна в голове натянулась до предела и вот-вот готова была лопнуть.

Он никак не мог взять в толк, с чего бы Владыке Бедствий, безвылазно сидевшему в Ючжоу, сорваться и рвануть в Чончжоу?

Связавшись по спецсвязи с дядей — директором Института современных формаций при Отделе исследований и разработок духовных технологий, — Гу Яньань спросил:

— Дядя, если Владыка Бедствий совершит дальнобойный телепорт самостоятельно, сможет ли он потом уйти в пространственную аномалию?

Это был главный козырь монстра, спасавший его от окончательного уничтожения. Похоже, на этот раз его применили для рывка между материками. Пространственные аномалии вспыхивали по всему миру, и в правилах игры что-то бесповоротно изменилось.

В трубке повисло долгое молчание. Гу Яньань слышал, как на том конце провода шуршат страницы древнего фолианта — реликвии, оставленной ещё первым главой клана Гу.

Тяжёлый вздох дяди прозвучал ответом:

— Пинъань... Наш час пробил.

Пророчество сбывалось: наступала эра глобального аномального перерождения.

Материк Ушу оказался поистине благословенным краем: желая удержать Цзян Фэя, этот мир мгновенно исполнял любые его капризы.

Потребовалось обучиться фехтованию — и к нему тут же явился личный страж принцессы, мастер клинка. Стоило Цзян Фэю скривить губы и пробормотать, что наставник мелковат, как с гор тут же спустился седой учитель самого мастера, дабы передать герою легендарные техники прошлого.

Настоящий демо-режим Главного Героя!

Искусственный мир изо всех сил пытался подменить его восприятие, убедить, что здесь — идеальное пристанище на весь остаток дней.

Цзян Фэй же, сохраняя трезвый рассудок, без зазрения совести пользовался моментом: раз уж занесло в аномалию, свет знаний должен озарить каждый её угол!

Время здесь растягивалось безгранично, и боевые навыки Цзян Фэя росли как на дрожжах. Меч, лук, копьё и даже огнестрельное оружие — он освоил всё, отточив движения до автоматизма бывалого ветерана.

Впрочем, аномальный мир щедро сдавал и испытания. Чтобы усыпить бдительность гостя, Цзян Фэю то и дело подсовывали новых чудовищ. Кролики, быки, собаки — перед ним развернулся целый паноптикум аномального зверинца, и каждая тварь «награждала» его видом своей уродливой морды, от которой показатель рассудка стремительно летел вниз.

Но Цзян Фэй воспринимал эти стычки лишь как полигон. Случись ему снова сойтись с той аномальной крысой — он бы зарезал её без единой царапины на собственном теле.

Слава о воине Цзян Фэе гремела по всему материку. Его уровень рос, фактически превращая его в сильнейшее существо этих земель. Легенда о его «трогательной любви к принцессе» звучала из каждого утюга, и в каждой награде невидимо присутствовала она.

Присматриваясь, Цзян Фэй не мог разглядеть лица принцессы. При каждом взгляде на её силуэт сердце сдавливала странная тяжесть, пытавшаяся извратить его разум, но он лишь бесстрастно отыгрывал нужную роль.

В подсказках упоминалось: если человек не способен отличить явь от грёзы, сон становится его единственной реальностью. Изначально это была Пещера Алчности, ткавшая сладкую иллюзию из его собственных желаний.

Вот только фальшивка оставалась фальшивкой. Здесь было всё, кроме главного — настоящей, непредсказуемой жизни. Вокруг застыли одинаковые маски и угодливые улыбки, а Цзян Фэй вовсе не жаждал плыть по гладкому течению.

Здесьняя иллюзия не могла его удержать.

Очередной виток иллюзии вновь привёл его к епископу. Прекрасную принцессу похитил лютый дракон, и доблестный герой обязан сразить чудовище, дабы вызволить пленницу.

— Сразив дракона, ты достигнешь сотого уровня и сделаешься вечным властелином этого мира! — провозгласил епископ.

Цзян Фэй скосил глаза на цифру над своей головой: 90.

В памяти всплыли слова Су Яньчжоу: «Когда уровень аномальной трансформации перешагивает за сотню, человек окончательно перерождается в тварь».

[Подсказка 4: Убивший дракона сам становится драконом.]

Девяностый уровень мог означать не просто боевой ранг, но и степень его собственного осквернения.

— Хорошо, — спокойно отозвался Цзян Фэй. — Я спасу принцессу.

Драконий замок высился на самой вершине горного кряжа. Залы утопали в сокровищах: на куче золотых монет, раздражённо помахивая хвостом, разлёгся дракон.

Чешуя его сияла чистейшим золотом. На нём не было и следа аномального гниения; грациозный и величественный, он кольцом обвивал свои богатства, не проявляя к непрошеному гостю ни малейшего интереса.

Неподалёку, прикованная к золотой колонне, томилась принцесса. Цзян Фэй взглянул на неё — и упёрся взглядом в абсолютно гладкое, безликое пятно вместо лица.

Цзян Фэй: «...»

Сколько ни смотри, а привыкнуть к отсутствию лица было непросто.

В ушах зашелестел шепоток Закадрового Голоса:

[Воин без промедления бросился распеленывать цепи принцессы.]

[Дракон впал в ярость, и сошлись они в сокрушительном бою...]

Следуя указаниям сюжета, Цзян Фэй подошёл к принцессе и... одним слитным движением вогнал клинок ей прямо в грудь, пригвоздив к колонне.

— Ой-ё, — передразнил он пафосный голос нарратора. — Воин случайно прирезал принцессу.

Златочешуйчатый дракон одарил Цзян Фэя странным взглядом и вместе со всеми своими сокровищами просто растаял в воздухе.

Прикованная принцесса мгновенно «воскресла» и зашлась нечеловеческим визгом. Цзян Фэй, не теряя времени, вонзил пальцы ей прямо в брюхо.

[Подсказка 3: Помни, чего ты желаешь на самом деле.]

Цзян Фэю нужно было только ядро.

Покопавшись во внутренностях «принцессы», он извлёк окровавленную ладонь. В его кулаке билась сгущённая тёмная тень, очертаниями напоминавшая крысу.

Именно за этим ядром он и прыгнул в чёрную дыру.

Лишившись ядра, «принцесса» действительно угасала. Испуская последний вздох, она выдохнула хриплый стон, задав единственный терзавший её вопрос:

— Почему... почему ты... не поддался соблазну?..

Объяснять устройство своего дотошного до занудства ума Цзян Фэй не стал. Будучи человеком отзывчивым, он выложил самую суть.

Пожав плечами, Цзян Фэй искренне пояснил:

— Извини, милая, но мне нравятся парни.

Как, спрашивается, он мог влюбиться в принцессу?

— На будущее совет: в следующий раз подсовывай принца, — даровал он дружеский лайфхак.

Удар наповал!

Предсмертный вопль «принцессы» до боли напомнил визг резиновой курицы, которой наступили на горло.

Редкая аномалия удостоивалась чести быть настолько разгромленной перед смертью.

<http://bllate.org/book/19820/1992600>